

Обычно экономика и культура рассматриваются как самостоятельные сферы общественной жизни, развитие которых происходит в соответствии с их внутренней природой. Конечно, взаимное влияние этих сфер друг на друга признается всеми, но при этом импульсы, идущие от одной области социума, рассматриваются как чисто внешние для другой. Ясно, например, что изменение культурного уровня населения не может не сказываться на эффективности его производственной деятельности. Точно так же не подлежит сомнению, что масштаб финансовых ресурсов, выделяемых на развитие культурной сферы, в существенной степени определяет ее состояние. Имеют место и попытки «иерархизировать» отношения экономики и культуры. Известно, что марксистская социология отно-

¹ Академик РАН, вице-президент РАН, директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, почетный доктор СПбГУП.

Автор более 200 научных трудов: «Очерки по экономике посткоммунизма», «Становление и функционирование экономических институтов: от "робинзоады" до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве», «Новая Российская энциклопедия: в 12 т.» (в соавт.), «Теория и история цивилизаций» (в соавт.); научных статей «Глобализация и постсоциалистические страны: некоторые теоретические вопросы», «К вопросу о рационализации отношений собственности в российской экономике» и др.

А. Д. Некипелов¹

ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ

сит экономические отношения к «базису», а все остальные сегменты общества, включая культуру, — к «надстройке». Встречаются и в некотором смысле противоположные устремления противопоставить «высокую» сферу культуры «низменной» экономической. Общее для всех этих подходов состоит в том, что речь идет о взаимодействиях на границах двух самостоятельных сфер, а не о их взаимопроникновении.

Было бы, конечно, ошибкой утверждать, что тенденция к целостному анализу экономики и культуры отсутствует вовсе: давно укоренившееся в гуманитарной науке понятие «материальной культуры» говорит само за себя. И все же эта тенденция не стала господствующей, определяющей сам подход к исследованию в различных научных дисциплинах. Иллюстрации этого утверждения, а также формулированию некоторых вытекающих из него задач применительно к экономической теории и посвящена настоящая статья.

Экономическая наука, как известно, исследует процессы, связанные с использованием ограниченных ресурсов, пригодных для удовлетворения потребностей как отдельных людей, так и общества в целом. При этом «экономическая наука» — собирательное понятие, поскольку оно

охватывает большое количество дисциплин, относящихся к двум крупным, качественно различным группам наук. А. Пигу, известный английский экономист первой трети XX века, характеризовал их следующим образом: «...чистая экономическая теория должна изучать равновесие и его нарушения среди групп лиц, деятельность которых вызвана любым множеством мотивов x . В ее рамки наряду с многочисленными другими подразделами попадут и политическая экономия Адама Смита, в которой x придается значение мотивов, приписываемых экономическому — или нормальному — человеку, и несмитовская политическая экономия, соответствующая геометрии Лобачевского, в которой x состоит из трудолюбия и ненависти к доходам. Противоположное положение этой чистой науке занимает реалистическая экономика, чей интерес сосредоточен на мире, известном из опыта, и ни в коей мере не простирается до изучения коммерческих деяний общины ангелов»¹.

В современной экономической науке, в отличие от концепции А. Пигу, так называемая «чистая теория» не противопоставляется реалистическим экономическим дисциплинам. Более или менее признано, что «чистая теория», построенная на аксиоматических основах, является абсолютно необходимой для содержательной интерпретации функциональных зависимостей, выявляемых в результате исследования конкретного экономического объекта. Поэтому в приведенной цитате интерес сегодня представляет не снисходительное отношение автора к «чистой теории», а его понимание, что последняя строится на фундаменте исходных предположений о природе человеческих устремлений. При этом А. Пигу явно солидаризируется со смитовской концепцией «экономического человека» и иронизирует над представлением о людях как членах «общины ангелов».

Концепция «экономического человека» базируется на утверждении, в соответствии с которым член общества безразличен ко всему, что не входит в состав его собственного потребления. Эта отправная точка позволила построить логически стройную модель рыночной экономики (то есть экономики, основанной на частной собственности как на предмете потребления, так и на факторы производства и на личной свободе членов общества), в том числе определить сферы возможных «провалов рынка». Более того, из теории, построенной на основе аксиомы об «экономическом человеке», вытекает очень важный, хотя не всегда осознаваемый вывод: сам рыночный механизм способен выявлять исключительно «эгоистическую» компоненту человеческих потребностей.

Очень важно обратить внимание на то, что концепция «экономического человека» предполагает наличие у хозяйствующего субъекта определенной ценностной установки: ведь стремление к максимизации собственного потребления — это, несомненно, разновидность ценностной установки. В этом смысле культурная составляющая интегрирована в самое сердце экономической теории. Не случайно, для общества, члены которого являются «экономическими людьми», присуще собственное определение коллективного (общественного) блага. Последнее будет достигаться тогда, когда экономическая система оказывается в состоянии общего равновесия.

Хорошо известна крылатая фраза А. Смита о «невидимой руке рынка», благодаря которой действия индивидов, направленные на повышение собственного благосостояния, приводят в условиях конкурентной экономики к реализации *общественного блага*. Именно так трактует этот вопрос и раздел современной микроэкономической теории «экономика благосостояния». При этом равновес-

ная рыночная цена отождествляется с величиной «*общественной полезности*» соответствующего блага и «*общественными издержками*» его производства. «Смитовскому» пониманию общественного блага соответствует и содержание фундаментального для экономической теории понятия «эффективности, по Парето». Последняя обеспечивается тогда, когда нельзя, перегруппировав ресурсы, улучшить положение кого-либо из членов общества, одновременно не ухудшив положения кого-то иного. Такая нормативная установка должна устраивать всех, кто признает неизбежность частной собственности и принципа индивидуальной свободы; при этом важно, что «эффективность, по Парето» свойственна как раз состоянию общего равновесия.

Известно, что при одном и том же совокупном объеме ресурсов параметры общего равновесия (цены, структура производства, факторные доходы) могут быть самыми разными, так как они прямо зависят от исходного распределения факторов производства между членами общества, или, что то же, — от конфигурации имущественных отношений. В этом одно из отличий от модели благосостояния отдельного человека (потребителя), ведь точка максимизации функции полезности последнего зависит от структуры его предпочтений и общего объема располагаемых им ресурсов. Поэтому естественной представляется идея говорить не о *самостоятельной системе предпочтений группы* (общества), а о *согласовании интересов* ее членов².

Но нередко общественное благосостояние в условиях рыночной системы определяется через значение того или иного макроэкономического показателя, чаще всего — валового внутреннего продукта. По принципу: чем больше ВВП, тем выше общественное благосостояние. Несложно заметить, что такой подход качественно отличен от подхода, ориентирующегося в поисках «коллективного счастья» на общее равновесие. Ведь в ценностном макроэкономическом показателе, каковым является ВВП, исчезают «детали», касающиеся структурных характеристик экономической системы. В этом смысле «скалярный подход», реализуемый в макроэкономических исследованиях, связан с существенными упрощениями, которые, с одной стороны, заметно облегчают его применение, а с другой — придают его результатам не более чем ориентировочный характер.

Как бы то ни было, традиционно основные усилия экономической науки были направлены на исследование рыночной экономики с ее «экономическими людьми». В результате сама экономика начала зачастую отождествляться с рынком, а экономические науки — с науками о рыночной экономике. Именно отсюда проистекает нередкое противопоставление экономических и неэкономических (политических, социальных, культурных) факторов развития общества. Это, часто неосознанно, имеет место тогда, когда ставится вопрос о необходимости учета при принятии решений не только экономических, но и политических, социальных, нравственных соображений.

Такая узкая трактовка предмета экономической теории свойственна значительной части экономистов. Именно поэтому столь укорененным оказалось отношение к государству как по сути своей неэкономическому институту и, в этом смысле, «необходимому злу», с существованием которого экономистам приходится считаться. Точно так же «внешними» по отношению к задачам экономических исследований оказываются вопросы, связанные с учетом ценностных установок, отличающихся от тех, которые присущи «экономическому человеку». На этой основе в экономической теории утвердилось известное разграничение «позитивного» и «нормативного» анализа.

¹ Pigou A. C. The Economics of Welfare. Macmillan and Co. 4th. ed. L., 1932. Ch. 1.

² См.: Некипелов А. Становление и функционирование экономических институтов : от «робинзонады» до экономики, основанной на индивидуальном производстве. М., 2006. С. 254–272.

Но если такая позиция является господствующей в экономической науке, стоит ли удивляться тому, что представители других общественных и гуманитарных дисциплин утверждают во мнении, что вне поля внимания экономистов, претендующих на анализ ключевых условий общественного развития, остаются его важнейшие факторы? Вполне естественно, что выдающийся культуролог академик Д. С. Лихачев, понимая, что реальный человек гораздо богаче, чем «экономический человек» А. Смита, не проявлял особого интереса к экономическим исследованиям¹.

Вытекает ли из этого, что гипотеза «экономического человека» завела экономическую теорию в тупик и перед теми, кто работает в этой области, стоит задача ее воссоздания с «чистого листа»?

Убежден, что ответ должен быть отрицательным. Современная экономическая наука доказала свою способность давать точные оценки многих сторон хозяйственного развития. И это не случайно, ведь люди в большей или меньшей степени обладают качествами «экономического человека» и им отнюдь не чуждо стремление к максимизации уровня собственного благосостояния.

В то же время природа человека не сводится исключительно к инстинкту потребления. В систему предпочтений каждого из нас входит то или иное отношение к состоянию различных сторон окружающего мира, и мы нередко готовы пожертвовать частью индивидуального потребления ради таких «неэкономических» целей, как, скажем, справедливость распределения доходов в обществе. В этом смысле «эффективность, по Парето» отнюдь не является идеалом для многих из нас.

Нужно, следовательно, включить в индивидуальные функции благосостояния их «неэгоистическую» составляющую и на этой основе надстроить над современным «мейнстримом» (а не построить на его месте) дополнительный «этаж». Это — очень большая и сложная работа, но некоторые ее особенности ясны уже сейчас. Например, нет сомнений в том, что на этом «втором этаже» государство и многие институты гражданского общества будут не «незваными гостями», а полноправными участниками экономического процесса, корректирующими «неполноту» рынка как механизма выявления и согласования индивидуальных интересов.

Близкие к этому идеи возникали и раньше. Сошлюсь здесь на работы выдающегося американского экономиста Дж. К. Гэлбрейта и прежде всего на одну из его последних книг «Общество благоденствия. Гуманитарная повестка дня»². Но, увы, сломать жесткие рамки «мейнстрима» они пока не смогли.

Между тем актуальность именно такого пути развития экономической теории, на мой взгляд, особенно очевидна в условиях обострения (а возможно, и вступления в кризисную стадию) ряда глобальных процессов, регулирование которых на сугубо рыночной основе просто невозможно. Речь идет о вызванных человеческой деятельностью разрушениях экологических систем и климатических изменениях, о невозможности энергетического обеспечения нынешней траектории развития мировой экономики, о преодолении ужасающей бедности огромного количества людей, помимо всего прочего провоцирующей и подпитывающей такие экстремальные процессы, как терроризм.

И наконец, последнее. Было бы ошибкой полагать, что предлагаемое направление развития экономической теории направлено на поглощение ею других обществоведческих и гуманитарных дисциплин. Это и невозможно, и не нужно. Что важно, так это сломать искусственную стену между экономической и другими общественно-гуманитарными науками, возникшую в связи со ставшей уже традиционной апелляцией экономистов почти исключительно к корыстным сторонам человеческой природы. И тогда экономическая теория получит возможность органично опираться в своих построениях, так или иначе ориентированных на решение проблемы размещения ограниченных ресурсов, на фундаментальные достижения философов, культурологов, психологов, социологов, политологов.

В более широком смысле речь идет об изменении глубоко укоренившейся привычки рассматривать социум как совокупность обособленных, взаимодействующих лишь «на стыках» подсистем — политической, экономической и культурной. В новой парадигме отличие между отдельными гуманитарно-общественными дисциплинами должно заключаться не в том, что они исследуют «разные части» общества, а в том, что они рассматривают один и тот же объект — общество — под разными углами зрения.

¹ См.: *Записки А. С. Экономические воззрения академика Д. С. Лихачева (послесловие к празднованию 100-летия)* // Труд и социальные отношения. 2007. № 4.

² *Galbraith J. K. The Good Society. The Humane Agenda. Boston ; N. Y., 1996.*